

Виктор Емский

АДСКОЕ ДЕПО

Роман

Виктор Емский

Адское депо

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Емский В.

Адское депо / В. Емский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Повествование о том, чем после смерти занимаются убийцы, маньяки, фанатики, предатели и другие творческие личности. А также о загробном мире, скрывающем в себе множество особенностей, не отраженных в священных писаниях большинства мировых религий.

Поскольку преступники и сумасшедшие не могут рассуждать как нормальные люди, любые высказывания героев романа являются продуктами их расстроенной психики и потому автор никоим образом не несет ответственности за эти отбросы мыслительной деятельности.

*Стремилась ввысь душа твоя –
Родишься вновь с мечтою,
Но если жил ты как свинья –
останешься свиньёю.*

В. Высоцкий.

ПРОЛОГ

Россия. Московская область. Окрестности села Куркуиловки. 1992 год.

Прекрасным апрельским утром по корявой российской дороге двигались два больших черных автомобиля. В них находились бандиты в количестве восьми особей. Пятеро в передней машине и трое в задней. В той, где ехали трое, происходил разговор. Пожилой пузатый преступник отечески успокаивал одного из молодых:

– Не нервничай, Жорик.

Молодой бандит отвечал:

– Не нравится мне эта поездка, Петрович.

– Что тебе не нравится, Жора?

– Надо же, где стрелку забили! Вокруг сплошной лес. Заблудишься – не выберешься отсюда.

– Мы еще не добрались.

– Добраться – доберемся. А вот выберемся ли... Нас всего восемь. А их будет гораздо больше. Нутром чую.

– Не ной, – строгим голосом сказал Петрович. – Ты прекрасно знаешь, что сзади едут еще несколько десятков ребят. Если Гога решит показать силу, наши подоспеют и вставят ему что надо и куда положено.

– Петрович, – не унимался Жора. – Пока они подъедут, нас успеют грохнуть раз десять.

– Все! Не скули! Твое дело – внимательно смотреть за Ленькой Македонцем. Он у них самый опасный, сволочь. Ты его знаешь?

– Да, – нехотя ответил Жора. – В армии вместе служили.

– И какая у него настоящая фамилия?

– Циммерман. Македонцем его прозвали за то, что он постоянно палит из двух стволов сразу. Это называется стрельбой по-македонски.

– А ты так умеешь?

– Да.

– А почему не используешь?

– Потому что все это чушь. При такой стрельбе точности никакой. Зато много грома, шума, лязганья затворов и тому подобной белиберды. Показуха и наведение паники на врага. Любой профессионал знает, что если надо попасть точно, то лучше это делать, используя один ствол.

Петрович задумался на минуту и продолжил:

– В армии, значит, вместе служили? Кенты, значит... Вот ведь, судьба какая, а? Он грохнул двоих коммерсантов. Они платили нам. Хорошие были, «жирные». И Стручка из второй бригады. А ты замочил их бригадира. Как его там?

– Лошака.

– Вот-вот. Теперь Гога спит и видит, как бы с тобой по квитаться. А я не прочь из этого Македонца дух выпустить.

– Он еще нашего сутенера шлепнул. Комариком его звали.

– А ты – двух гогиных любовниц. Причем разом.

– Каких любовниц? Этих шалав из борделя?

– Но бордель принадлежит Гоге.

В машине стало тихо. Через минуту Петрович с подозрением в голосе спросил:

– Выходит, что вы с Македонцем кореши?

– Нет, – напряженно ответил Жора. – Просто у нас с ним нейтралитет. Я в него не стреляю, а он в меня.

– Вот это да! – вскричал Петрович. – Получается, что он будет палить в меня из двух стволов, а ты в это время станешь в носу ковыряться?

– Зачем? Я буду стрелять в Гогу.

– Но ведь меня убьют!

– Зато Гогу тоже.

– И мне от этого сразу станет легче?

– Не знаю, – пожал плечами Жора.

Повисла тишина. Петрович, удивленно посмотрев на своего помощника, обратился к водителю:

– Коля, ты слышал разговор?

– Да, – ответил тот, флегматично гоняя во рту жвачку.

– Тогда запомни. Леня Македонец – твоя задача. А то тут некоторые обвешались принципами, как говновоз шлангами! Понял?

– Угу, – кивнул головой Коля и, сделав глотательное движение, нечаянно отправил жвачку в желудок.

Петрович посмотрел на Жору и проворчал:

– А с тобой, Жорик, я позже разберусь.

Тот с безразличием в голосе ответил:

– Если это позже наступит. Что-то предчувствие у меня нехорошее...

– Заткнись!

Стало тихо. Лес начал редеть, потом расступился и рядом с дорогой возник белый знак, на котором кривыми алкоголическими буквами было написано: «Куркуиловка». Дальше виднелись крыши каких-то ветхих строений сельского типа. Между ними и лесом вдоль дороги стояли машины. Было их много и все они топорщились открытыми багажниками. Возле машин, сверкая выбритыми лысыми, толпились крепкие молодые люди.

– Сборище лысых придурков, – констатировал Петрович. – Под Гогу косят. Тот в семьдесят втором году взял сберкассу и пытался смыться. Но его обложили мусора и погнали, как сайгака. Он спрятался в каком-то сарае. Легавые окружили сарай и предложили сдаться. А он, идиот, принялся отстреливаться. Те, недолго думая, подожгли сарай. Гога сначала изображал из себя героя. До тех пор, пока волосы на голове не загорелись. Вот тогда и сдался. Мусорам впалду было своими кителями его тушить (испортятся ведь). Да и Гога – когда отстреливался – ранил одного из них. Поэтому служители закона оторвали доски от забора и давай ими лупить этого героя по башке. Таким вот образом и спасли беднягу. Скальп, правда, немного набекрень съехал. Зато жив остался. С тех пор лысым и ходит... Ну ладно. Приехали. Пошли, выйдем, да побеседуем.

Две прибывшие машины остановились на обочине. Пятеро бандитов также открыли багажники и остались возле них. Петрович отошел в сторону и остановился на лесной опушке. Рядом с ним тут же оказались Коля и Жора. Последний, осмотревшись, заметил, что в нескольких десятках метров позади них между деревьями стоит старый, выдавший виды, деревянный сарай. Выглядел он безжизненным, но достаточно прочным. Взяв этот факт на заметку, Жора взглянул вперед и увидел, что к ним приближаются трое.

Впереди вышагивал тощий старый грузин. Звали его Гогой Шахторадзе. Лысина преступника, изуродованная шрамами, гордо сверкала в солнечных лучах. Седые гигантские усы грозно топорщились в стороны, а длинный нос торчал над ними, как мощный таран древнего античного корабля. Но весь воинственный вид Гоги необычайно портили большие очки в толстой роговой оправе. Они напоминали детскую новогоднюю маску из тех, которые продавались в любом ларьке. Эти маски состояли из пластмассовых очков, склеенных с громадным носом из такого же материала, и усами, сделанными из щетины от сапожной щетки. Гога сильно походил на еврейского доктора-ветеринара, и поэтому Жора, не удержавшись, громко рассмеялся.

Авторитетный грузинский бандит догадался, что смеются именно над ним и, ускорив шаги, оказался перед Петровичем. Он остановился на расстоянии вытянутой руки и поинтересовался:

– Ты привел с собой этого беспредельщика для того, чтобы он нагло смеялся надо мной?

– Ох, Гога, – улыбнулся Петрович. – Где ты взял эти очки? У своей бабушки? У тебя нет денег, чтобы купить модные? Хочешь, я тебе одолжу? Под самый скромный процент. Так сказать – по-свойски.

Подошедших вместе с грузином двух бандитов Жора знал прекрасно. Одним из них был Ленька Македонец, а другим – личный телохранитель Гоги по прозвищу «Медведь».

– Это очки моего отца! – вскричал Гога. – Они приносят мне удачу.

У всех шестерых руки находились в карманах курток, и было ясно, что засунуты они туда совсем не для того, чтобы согреться. Поэтому Петрович медленно вытащил левую ладонь, приложил ее к своей груди и сказал:

– Да носи их на здоровье! Лучше расскажи, зачем ты меня сюда позвал.

– Твои люди занимаются беспределом! Особенно – вот этот отморозок Мовсесян, – грузин кивнул головой в сторону Жоры. – Мовсесян убивает моих людей и моих любовниц! Причем зверски...

– Твой Македонец убивает моих, – парировал Петрович.

– Те двое торгашей работали на моей территории и потому должны были платить мне!

– Но они уже давно были под моей «крышей»!

Обстановка накалялась все больше и больше. Жоре подумалось, что добром это не закончится. Поэтому он, как человек опытный, начал медленно перемещаться вправо, надеясь сократить расстояние до ближайшего дерева. Краем глаза Жора заметил, что Македонец делает то же самое, только движется в противоположную сторону. Но этот маневр противника никак его не взволновал. Он знал, что Ленька в него стрелять не будет. Оба они были наемными рабочими и получали за свой чудовищный труд деньги. Но не все для них измерялось материальными ценностями, и поэтому Жора на этот счет был спокоен. А вот от получения шальной пули никто на свете не застрахован.

Гога тем временем уже орал:

– Ты! Убирайся прочь с Дурасовского рынка! Это моя территория!

– Твоя территория – сарай, где легавые тебе прическу поправили! – кричал Петрович.

Первым почему-то выстрелил водитель Коля. Он резко выхватил из кармана пистолет и, помня наставление Петровича, направил его в сторону Македонца. Раздался

хлопок. Ленька отпрыгнул. Уже в полете блеснули вороненные стволы пистолетов, которые он необычайно ловко сумел достать. Воздух разорвало частой трескотней выстрелов и Жора заметил, как Коля заваливается на спину. Сам он времени даром также не терял. В момент прыжка к спасительному дереву Мовсесян выхватил пистолет и выпустил две пули в Гогу. Память отметила, что грузин сложился пополам, а Петрович, лежа на земле, занимается тем, что бросает гранату в подбегающую толпу.

Когда прогремел взрыв, Жора уже полз по-пластунски между деревьями, мастерски вдавливаясь в мох. Сзади раздался еще один взрыв, и зазвучали автоматные очереди. Багажники были открыты не зря.

Под огромной раскидистой сосной Жора вскочил на ноги и побежал к замеченному им ранее сараю. Через несколько секунд он уже пытался открыть дверь, но устрашающих размеров навесной замок не позволил ему этого сделать. Обругав про себя черными словами домовитых куркуиловских жителей, Жора завернул за угол и обнаружил в тыльной стене сарая небольшое слуховое окно. Оно было открытым и Жоре удалось, ухватившись руками за раму, подтянуться и нырнуть головой внутрь.

Приземление вышло не особо мягким, но привыкший к таким мелочам Жора не обратил на это внимания. Он встал на ноги, потер рукой шишку, появившуюся на лбу и, отойдя от окошка в сторону, осмотрелся.

Света в сарае было достаточно. И посетителей тоже. В дальнем углу на корточках сидел Ленька Македонец. Оба дула его пистолетов были направлены Жоре в живот.

– Привет, – ухмыльнулся Ленька.

– Здорово, – ответил Жора.

Не обращая внимания на оружие Леньки, он уселся в противоположном углу, достал сигареты и закурил.

– И мне, – попросил тот.

– Странная у вас компания, – заметил Жора. – Один не может себе новые очки купить, а у второго нет денег на сигареты.

Он бросил Леньке сначала пачку, потом зажигалку. Тот положил один пистолет на пол и, ловко управляясь левой рукой, тоже закурил. За стеной послышался топот. Нижнюю часть рамы окошка обхватили чьи-то пальцы и через мгновение в сарай всунулась пылящая рожа Медведя. Он обвел помещение взглядом и тут же заорал:

– А-а-а, вот ты где, морда македонская! Там наших ребят валят, а ты тут с Мовсесяном околачиваешься?!

Дуло ленькиного пистолета чуть шевельнулось, и прогремел выстрел. Во лбу Медведя появилось маленькое аккуратное отверстие. Он охнул, и голова его исчезла. За стенкой раздался глухой звук падения мертвого тела.

– Теперь тебе точно крышка, – заметил Жора, выпуская дым из ноздрей носа. – От своих.

– Нет, – ответил Ленька. – Я скажу, что это ты его грохнул. Поэтому скорей дергай отсюда. Вас мало. Наши, наверное, всех уже перестреляли. Скоро придут сюда.

За стеной послышалась дикая автоматная пальба. Она явно приближалась. Жора затушил окурок о подошву ботинка и профессионально сунул его себе в карман.

– Ты ошибаешься, – сказал он. – Петрович всегда был сторонником резервно-засадной тактики. В отличие от твоего лысого идиота Гоги. За нами следом ехало еще несколько бригад боевиков. Они уже здесь. Сейчас достреляют ваших и придут сюда. Поэтому смываться следует именно тебе.

– Уговорил, – согласился Ленька.

– Сигареты верни, – вспомнил Жора.

Ленька молча бросил ему пачку и, встав на ноги, убрал пистолеты в карманы.

– И зажигалку тоже, – добавил Жора.

Македонец ухмыльнулся:

– Ты все такая же меркантильная сволочь, как и раньше. Жорик, ну разве можно быть таким мелочным?

Жора промолчал. Ленька вышвырнул окурок в окно, и полез было в карман за зажигалкой, которую успел благополучно припрятать, но передумал. За окном слышались тяжелые шаркающие шаги, и чей-то натужный голос, похожий на голос Петровича, крикнул:

– Ага! Какая-то падла есть в сарае, раз бычками швыряется! На, получай!

С тихим шумом пролетев через окно, на пол мягко шлепнулась граната. Как раз между Жорой и Ленькой. Последний среагировал, как пружина. Согнув резким рывком тело пополам, он схватил гранату рукой и, не разгибаясь, точным броском отравил ее обратно в окно, после чего плашмя рухнул на пол. Жора уже лежал. За окном слышалось:

– Уй-йо!

И тут же бабахнуло. Стены сарая вздрогнули, но выдержали. Петрович дурным голосом проорал:

– Ай, суки! Убили напрочь!

Чей-то незнакомый бас рявкнул:

– Пацаны! Петровича гранатой подорвали! Из сарая!

Ленька с Жорой приподняли головы и посмотрели друг на друга. Но сказать ничего не успели. Прямо перед их носами на пол шмякнулись две гранаты, и сразу за ними прилетела третья. Но звук ее падения они уже не слышали.

За четверть секунды до взрыва в памяти Жоры неожиданно всплыл кадр из мультфильма про зайчика, который вышел погулять, и кто-то пропел дурным голосом: «Предчувствия его не обманули»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ГОЛОС 1. А-а-а! Где я! Развяжите меня!

ГОЛОС 2. Кто это орет? Заткнись! И так тошно.

ГОЛОС 1. Кто здесь?! Я не один! Слава богу!

ГОЛОС 2. Ну что ты так орешь? Сейчас дам тебе по башке, чтоб не орал!

ГОЛОС 1. Дай, пожалуйста. Я хоть буду знать, где у меня башка.

ГОЛОС 2. Я бы дал, но что-то не получается. Такое ощущение, что у меня много рук, но они связаны. Да и не пойму, где я нахожусь, и кому по башке давать. Вокруг листва какая-то, елки...

ГОЛОС 1. У меня то же самое. Ленька, это, случайно, не ты со мной разговариваешь?

ГОЛОС 2. Я. А с кем я разговариваю?

ГОЛОС 1. Да это же я, Жора.

ГОЛОС 2. Ой, как хорошо! Привет, Жорик!

ЖОРА. Привет, Ленька! Где мы?

ЛЕНЬКА. Сам не знаю, но ощущения странные.

ЖОРА. Ты меня видишь?

ЛЕНЬКА. Нет. Только деревья вокруг.

ЖОРА. И у меня тоже. И я не могу двигаться. И даже не могу пошевелиться!

ЛЕНЬКА. Я также. Давай немного помолчим, подумаем и осмотримся.

ЖОРА. Давай.

На следующий день. Утро.

ЖОРА. Ленька, отзовись.

ЛЕНЬКА. Привет.

ЖОРА. Я все понял. Нас вселили в деревья.

ЛЕНЬКА. До меня тоже дошло.

ЖОРА. Ну и как ощущения?

ЛЕНЬКА. Странные. Ты в каком дереве?

ЖОРА. По-моему, в сосне. Черт, одна ветка сухая. Все никак не отвалится. Тянет в сторону...

ЛЕНЬКА. Это вторая снизу?

ЖОРА. Да. Ты что, меня видишь?

ЛЕНЬКА. Вижу. Я в пирамидальном тополе. Как раз напротив тебя. Метрах в тридцати.

ЖОРА. Ага. И я тебя вижу. Интересно, как это получается? Глаз ведь теперь нет.

ЛЕНЬКА. Я и сам не знаю, как мы видим. А как слышим?

ЖОРА. Мне кажется – мысленно. Хотя я каким-то образом вижу, что творится вокруг. И слышу тоже. Здесь где-то рядом дорога. Только что просигналила машина. А вот сказать вслух ничего не могу. И пошевелиться. Зато мысли твои чувствую хорошо. Даже интонации. Надо же, никогда не знал, что можно мысленно смеяться, нервничать, зло-радствовать и тому подобное...

ЛЕНЬКА. Все это интересно, но надо осмыслить. Давай подумаем. Я заметил, что можно мыслить как бы вслух, а можно – про себя. Ведь ты не слышал, о чем я думал ночью?

ЖОРА. Нет.

ЛЕНЬКА. Это хорошо. До связи.

ЖОРА. До связи.

Вечер того же дня

ЖОРА. Эй, Ленька! Хорош думать! Слышишь меня?

ЛЕНЬКА. Да. Ну как?

ЖОРА. Что, ну как?

ЛЕНЬКА. Нравится в новом теле?

ЖОРА. Да пошел ты!

ЛЕНЬКА. Ха-ха. Сидеть нам теперь долго. Надо же, хуже, чем в тюрьме. Там можно ходить, есть, пить и даже курить.

ЖОРА. Заткнись. Сосна, в которой я сижу, совсем молодая. Судя по кольцам в стволе – лет двадцать. Не больше. А короедов всяких – пруд пруди. Какие-то личинки, червяки... Достали! Все чешется, а ничего поделать не могу. Ни рук, ни ног!

ЛЕНЬКА. Моему тополю тоже лет пятнадцать-двадцать. Но с паразитами проще. В центре ствола есть дупло. В нем живет большой черный дятел. Я с ним уже познакомился. Он хорошо справляется с моим стволом. Когда долбит – щекотно, конечно. И немного больно. Но, в итоге, и он сыт и мне хорошо.

ЖОРА. Что значит – познакомился?

ЛЕНЬКА. Оказалось, что засадить души убийц в деревья – далеко не исключительная вещь. Дятел, который живет у меня в дупле – тоже бывший человек.

ЖОРА. И что он натворил?

ЛЕНЬКА. Во время войны в одном из оккупированных немцами городов жил четырнадцатилетний мальчик, отца которого немного ранее расстреляли, как злостного троцкиста. Он вступил в юношескую подпольную организацию. Средний возраст подпольщиков составлял пятнадцать лет. Дети еще, что говорить... По идеологическим соображениям этот мальчик выдал всех нацистам. Юных подпольщиков зверски пытали, а потом убили. Впоследствии вину мальчика в этом гнусном стукачестве доказать не удалось, и он жил долго и счастливо. А когда умер, то попал туда, где доказывать никому ничего не нужно. И так все известно. Сам знаешь. Вот теперь и существует в роли дятла.

ЖОРА. Мне кажется, что лучше быть дятлом, чем деревом.

ЛЕНЬКА. Как знать.

ЖОРА. Но ведь мы не убивали детей.

ЛЕНЬКА. Зато мы убивали за деньги. А он настучал из идеологических побуждений. И вообще, ты думал о сроках?

ЖОРА. Нет.

ЛЕНЬКА. Смотри. Есть, например, тополь, в котором сижу я. А есть и другие деревья. Баобаб, скажем. Или секвойя...

ЖОРА. Понял. А сколько живет сосна?

ЛЕНЬКА. Заинтересовался? Пирамидальный тополь живет (в среднем) пятьдесят лет. А сосна, в которой ты сидишь – лет двести. И скажи спасибо, что она обыкновенная. Бывают такие сосны, которые живут и поболее. Получается, что с учетом прожитых моим тополем лет мне придется просидеть в нем еще тридцатник. А тебе – лет сто восемьдесят.

ЖОРА. Да ну?

ЛЕНЬКА. Вот тебе и ну!

ЖОРА. Интересно получается. Работа у нас была одинаковой. И уколошили мы, приблизительно, равное количество. Ни ты, ни я детей не убивали. А убивали, по большому счету, тех, кого не то что жалко грохнуть, а жалко в живых оставлять! Мерзавцев и мерзавок! Так почему, спрашивается, я получил срок в шесть раз больший, чем ты?!

ЛЕНЬКА. Может, ты в детстве велосипедом котенка задавил?

ЖОРА. Издеваешься? Да пошел ты к своему дятлу в дупло, сволочь!

Ленька. Ха-ха-ха! Да ладно тебе. Жора, где ты? Жора, отзовись! Жора! Обиделся... Ну, пока. До завтра.

На следующий день

ЛЕНЬКА. Жора, отзовись.

ЖОРА. Чего надо?

ЛЕНЬКА. Я вот все думаю... Может быть, тебе впаяли больший срок из-за тех двух последних телок? Кстати, за что ты их убил?

ЖОРА. Я хотел с ними развлечься и честно им заплатил. Причем вперед. А эти сучки опоили меня клофелином и, обчистив квартиру, смылись. Даже «Скорую помощь» не вызвали. А я чуть копыта не откинул. Доза была лошадиной. Еле откачали меня в больнице. Ну, я их вычислил. Сделал заказ с адреса одного нашего боевика. Они приехали. А я их уже ждал в подъезде. Эти шлюхи только зашли в кабину лифта, а я – тут, как тут. Сказал им: «Потанцуем, девочки?!»

ЛЕНЬКА. И?

ЖОРА. Видел бы ты их лисьи рожи! Я бросил им в ноги гранату и нажал кнопку девятого этажа. Двери лифта закрылись, и эти шлюхи с громким звуком отправились исполнять стриптиз в морг.

ЛЕНЬКА. Н-да. Если честно, то обеих нисколько не жалко.

ЖОРА. Конечно. Тем более, что одна из них постоянно делала аборт. А вторая родила ребенка, и выбросила его в помойку. Хорошо, бомжи подобрали и сдали в детский дом...

ЛЕНЬКА. Значит, не из-за них.

ЖОРА. Слушай, попроси своего дятла, а? Пусть ко мне слетает. Достали эти жучки-червячки!

ЛЕНЬКА. Еще чего? Ему и моих хватает. Вон, нажрался и дрыхнет в дупле. А вдруг ему покажется, что у тебя вкуснее? Он тогда не вернется. И что я буду делать?

ЖОРА. Ох, и скотина же ты, Ленька! Двумя словами – еврейская морда!

ЛЕНЬКА. Когда появились армяне – евреи стали страдать от голода.

ЖОРА. Пошел ты!

Вечер того же дня

ЛЕНЬКА. Жора, а Жора! Отзовись!

ЖОРА. Чего тебе, жидяра?

ЛЕНЬКА. Ну что ты обижаешься? Слушай, мне не дает покоя мысль о твоём сроке. Может, тебе припомнили того парнишку, которого ты в Афгане шлепнул?

ЖОРА. Вряд ли. Ему было лет шестнадцать-семнадцать. А это – по афганским меркам – достаточно взрослый и боеспособный воин. Сколько таких было? С расстояния в триста-четыре метра и не поймешь, какого возраста твой противник. А того, которого ты имеешь в виду, я ж не просто так убил. Он же тебе в спину выстрелил. Да и к убийству этот случай не имеет никакого отношения. На войне не убивают, а уничтожают врагов. Тем более, что если б я его тогда не пристрелил, он бы пристрелил меня, а тебя добил.

ЛЕНЬКА. Ну, тогда я ничего во всем этом не понимаю...

ЖОРА. А я тебя, гада, два километра на себе тащил. Отстреливаясь, тащил... А ты какого-то сраного дятла зажал. Вот ведь, правду говорят, что друзья познаются в беде...

ЛЕНЬКА. Да ладно тебе, ладно... Поговорю я с дятлом, как проснется.

На следующий день

ЛЕНЬКА. Жора, ты меня слышишь?

ЖОРА. Слышу.

ЛЕНЬКА. Как самочувствие?

ЖОРА. Прекрасно. Дятел очень помог. Спасибо.

ЛЕНЬКА. Пожалуйста. И где он?

ЖОРА. Так нажрался, что взлететь не смог. Заснул, сидя на ветке.

ЛЕНЬКА. Ты ж не забудь его назад отправить. У меня дупло удобное.

ЖОРА. У меня не хуже найдется.

ЛЕНЬКА. Но-но-но! Не балуй, Жорик!

ЖОРА. Что, не балуй? Пусть у меня живет. А то ишь, – дятломонопольист тут выискался!

ЛЕНЬКА. Ну ты и сволочь!

ЖОРА. Надо же, еврея надули! Ха-ха-ха! Не бойся. Я шучу.

ЛЕНЬКА. Пошел ты, с такими шуточками!

На следующий день

ЖОРА. Ленька, ответь.

ЛЕНЬКА. Да.

ЖОРА. Дятел долетел?

ЛЕНЬКА. Долетел, падло. Ты его перекормил. Валяется в дупле, пускает газы и вылезать не хочет. Разве можно так делать?

ЖОРА. А я здесь при чем? Что он, маленький, что ли? Можно подумать, я ему в глотку запихивал. Видимо, мои червяки действительно вкуснее.

ЛЕНЬКА. Ладно. Я хотел у тебя спросить. Не кажется ли тебе место, где мы растем, странным?

ЖОРА. Нет. И чем же оно странное?

ЛЕНЬКА. Я торчу почти на опушке. Подо мной стоит деревянный щит. Знаешь, что на нем написано?

ЖОРА. Что?

ЛЕНЬКА. Читаю: «Куркуиловский национальный заповедник».

ЖОРА. Надо же. Интересно, а к какой национальности принадлежат жители этой самой Куркуиловки?

ЛЕНЬКА. Не ерничай. Лучше скажи, ты когда-нибудь что-либо слышал об этом заповеднике?

ЖОРА. Нет. Но какое это имеет значение?

ЛЕНЬКА. А самое простое. В заповеднике вырубка леса запрещена.

ЖОРА. И что из этого следует?

ЛЕНЬКА. А то, что в обычном лесу деревья вырубаются. На дрова, например. Или, скажем, для производства досок. А в заповеднике нет. Так что отсидка нам гарантирована в полном объеме. Так бы срубил кто-нибудь...

ЖОРА. И что бы произошло?

ЛЕНЬКА. А бес его знает! Может, вернули б нас тогда в мир людей... В любом случае, древесная жизнь закончилась бы. Наверное.

ЖОРА. Тихо! Кто-то идет сюда! Понизу!

Час спустя

ЖОРА. Ой, больно-то как!

ЛЕНЬКА. Что с тобой, Жорик?

ЖОРА. Гвоздь вбили, сволочи! Двухсотку!

ЛЕНЬКА. Кто?

ЖОРА. Да приперлась тут парочка молодых туристов. Повесили гамак. Один конец зацепили за ветку соседней елки. А у меня снизу подходящей ветки не нашлось. Вот и вбили гвоздь, гады!

ЛЕНЬКА. Прогони их.

ЖОРА. Как?

ЛЕНЬКА. Тряхни ветвями и забросай шишками.

ЖОРА. Пробовал. Не получается. Шишки отваливаются сами по мере созревания.

ЛЕНЬКА. Ну, тогда сочувствую. И чем они сейчас занимаются?

ЖОРА. Он разжигает костер, а она раскладывает на бревне жратву. Вот сволочи! Ведь нельзя же в заповеднике жечь костры.

ЛЕНЬКА. В жизни много чего нельзя делать. Но ты же делал?

ЖОРА. Например?

ЛЕНЬКА. Ну, убил гогиного бригадира. Лошаком его звали.

ЖОРА. Как же можно было его не убить, если он своей машиной занял мое парковочное место возле бильярдной?

ЛЕНЬКА. Да уж. Веская причина.

ЖОРА. А ты хочешь сказать, что убил некоего Стручка за дело?

ЛЕНЬКА. Конечно! Я, как порядочный, стоял в очереди за немецкой обувью. А эта гнида поимела наглость пролезть к кассе, распахивая всех локтями! Пришлось пристрелить его прямо у кассы. В итоге туфли не достались ни ему, ни мне. Покойникам они не нужны, а мне пришлось сматываться от милиции. До сих пор жалею! Хорошие туфли были...

ЖОРА. Понятно.

Еще через час

ЖОРА. Ленька!

ЛЕНЬКА. Что?

ЖОРА. Знаешь, чем они сейчас занимаются?

ЛЕНЬКА. Ну?

ЖОРА. Сексом.

ЛЕНЬКА. Чем– чем?

ЖОРА. Объясняю для тупорылых. Они совершают половой акт. По-простому: сношаются, чпокаются, короче – любят друг друга плотским способом.

ЛЕНЬКА. А-а-а. И где?

ЖОРА. В гамаке.

ЛЕНЬКА. Они что – акробаты?

ЖОРА. Ха-ха. Да. Но они об этом не знали, пока не свалились. Теперь продолжают упражняться на земле. Ого! Вот это дают! А ты, Ленька, помнишь хоть, как это делается?

ЛЕНЬКА. С трудом.

ЖОРА. А я вот вспомнил. На наглядном, так сказать, пособии... Все, перестали. Теперь приводят себя в порядок. Он выбирает из ее волос сосновые иголки, а она вытаскивает шишки из его задницы. Идиллия...

ЛЕНЬКА. Слушай, Жорик, а как теперь будешь размножаться ты?

ЖОРА. Интересный вопрос. Шишками, наверное. А ты?

ЛЕНЬКА. По-моему, пухом. Хотя – точно не знаю.

ЖОРА. Ай, больно!

ЛЕНЬКА. Ну, что там опять приключилось?

ЖОРА. Козел хозяйственный! Собрал гамак и не забыл выдернуть пассатижами гвоздь! Вот бы какая-нибудь семечка из шишки застряла у него в заднице и потом проросла, как вишня на голове у оленя Мюнхгаузена! Стал бы заднеприводным рогачом!

ЛЕНЬКА. Ха-ха-ха!

ЖОРА. Что смешного? Да пошел ты!

Продолжительная мыслетишина

Глава вторая

Вечер того же дня

ЛЕНЬКА. Жора!

ЖОРА. Да.

ЛЕНЬКА. Тебе дятел нужен?

ЖОРА. Можно.

ЛЕНЬКА. Сейчас отправлю.

ЖОРА. Спасибо.

ЛЕНЬКА. Слушай, помнишь, я тебе говорил, что место, где мы торчим, странное.

ЖОРА. Ну?

ЛЕНЬКА. Вот и подумай. Ты сидишь в сосне, я в тополе. А куда подевались Стручок, Лошак и иже с ними? Ведь отморозки были похлеще нас.

ЖОРА. Наверное, где-нибудь нашлось место и для них.

ЛЕНЬКА. Вот и я о том же. Возникает вопрос: неужели остальные деревья вокруг нас – просто деревья?

ЖОРА. Ну ты, Ленька, даешь! Деревьев в мире гораздо больше, чем убийц.

ЛЕНЬКА. Тут ты прав. Но мне почему-то кажется, что к Куркуиловке это не относится.

ЖОРА. Да ладно тебе сочинять.

ЛЕНЬКА. Ты напоминаешь мне сноба, который тешит себя мыслью об исключительности нашей цивилизации. Мол, никаких инопланетян не существует, потому что мы такие великие... Почему же ты думаешь, что в этом лесу всего два дерева наделены душами?

ЖОРА. Потому что все остальные молчат. Общаемся только мы. Значит, другие деревья просто тупые чурки.

ГОЛОС. Сам ты тупая чурка!

Продолжительное мыслемолчание.

Следующий день. Утро.

ЛЕНЬКА. Жора...

ЖОРА. Да здесь я. Думай тише.

ЛЕНЬКА. Что это вчера было?

ЖОРА. А то ты не понял!

ЛЕНЬКА. Позовем?

ЖОРА. Давай.

ЛЕНЬКА. Эй, есть тут кто, кроме нас?!

ГОЛОС. Есть.

ЖОРА. Ты, то есть, вы – кто?

ГОЛОС Пан Контущёвский.

ЖОРА. Контушёвский?

КОНТУШЁВСКИЙ. Нет. Пан Контушёвский.

ЛЕНЬКА. А почему пан?

КОНТУШЁВСКИЙ. Потому что я шляхтич, а не быдло, как вы.

ЖОРА. Во-о-н оно как? И где же ты находишься?

КОНТУШЁВСКИЙ. Опять двадцать пять! Снова ни черта не помнят.

ЛЕНЬКА. Это ты про что?

КОНТУШЁВСКИЙ. Не ты, а вы.

ЖОРА. Ага, сейчас! Шляхтич тут нашелся. Вассал Его Величества Дуба Стоеросового... Предъяви сначала родословную, гнида деревянная! Сам, наверное, при жизни говно возил!

КОНТУШЁВСКИЙ. Так, хватит! Какими вы были хамами, такими и остались. Двумя словами – собачья кровь. Мало я в свое время таких как вы резал, вешал и на кольях рассаживал! Все!

ЛЕНЬКА. Эх, Жора, Жора... Зачем ты его спугнул?

ЖОРА. Да на кой ляд он нужен? Ишь ты, принц выискался! Пусть молча сидит, сволочь! Сусанина на него не хватило! А, может, именно на него и хватило? Ладно. Черт с ним. Ты думаешь, он тут один? Сейчас узнаем... Эй! Кроме этого зажавшегося дрища, есть тут кто?

ГОЛОС. Есть, молодой человек.

ЖОРА. Здравствуй.

ГОЛОС. И тебе не хворать.

ЖОРА. Ты кто?

ГОЛОС. Не имеет значения.

ЛЕНЬКА. А как к тебе обращаться?

ГОЛОС. Можете называть меня Немо.

ЖОРА. Капитан Немо?

НЕМО. Какой капитан?

ЖОРА. Фильм такой был.

ЛЕНЬКА. И книга. Жюль Верн написал. «Двадцать тысяч лье под водой».

НЕМО. Фильмов я никогда не видел, а книги читал очень давно. Никакой я не капитан. Слово «Немо» использовано мной в значении понятия «никто».

ЖОРА. Ну, Немо так Немо. Где ты находишься?

НЕМО. В центре леса стоят три старых дуба...

ЛЕНЬКА. Я вижу.

НЕМО. Самый высокий из них – мой.

ЖОРА. И каков его возраст?

НЕМО. Когда я в него попал, ему было не более ста лет. Сейчас больше двух тысяч.

ЛЕНЬКА. Ничего себе! Это сколько ж надо людей положить, чтобы такой срок впаяли?

НЕМО. Необязательно. К каждому грешнику – индивидуальный подход. Не следует считать, что в этом лесу отбывают наказание одни убийцы.

ЖОРА. И за что тебя сюда определили?

НЕМО. Вам не все ли равно?

ЖОРА. Просто интересно.

НЕМО. Мне нет дела до ваших интересов.

ЛЕНЬКА. Ну, не хочешь говорить, – не надо. Ответь лучше, много ли здесь таких как мы?

НЕМО. Именно убийц?

ЖОРА. Нет. Бывших людей.

НЕМО. Полный лес. Почти каждое дерево имеет хозяина.

ЛЕНЬКА. Почему же они молчат?

НЕМО. Кто-то просто не хочет общаться. А кто-то лишен способности посылать мысли.

ЖОРА. Почему?

НЕМО. Ты невнимателен. Я же говорил: к каждому грешнику индивидуальный

подход.

ЛЕНЬКА. А от чего это зависит?

НЕМО. Не нам об этом судить.

ЖОРА. Это все ясно. Но непонятно, что имел в виду этот придурок Контущёвский, когда говорил, что мы опять ни черта не помним и остались такими же хамами, как и прежде.

НЕМО. Он имел в виду, Вася, что вы остались такими же грубиянами.

ЖОРА. Как ты меня назвал?!

НЕМО. Вася.

ЖОРА. Сам ты Вася! Я Жора!

НЕМО. А-а-а... В прошлый раз ты был Васей. А в позапрошлый...

ЖОРА. Ты что, спятил?!

НЕМО. Нет. Каждая душа имеет свой тембр мыслеголоса. И когда она появляется снова после очередной человеческой жизни (ну, в данном случае – в этом лесу), то всегда узнаваема и отличима от других душ. Вот вы, например, можете отличить меня от пана Контущёвского?

ЖОРА. Да.

НЕМО. Что и требовалось доказать.

ЛЕНЬКА. И когда мы были здесь последний раз?

НЕМО. Точно не помню, но где-то лет двадцать пять назад.

ЛЕНЬКА. И сидели в этих деревьях?

НЕМО. Нет. Раньше возле опушки был ельник. Вот там вы и росли. Этот ельник вырубил, и пан Контущёвский, помню, сильно негодовал по этому поводу. Дело в том, что в тот раз вы просидели в елках не более двух лет. Вот он и возмущался, считая это несправедливостью. Хотя, когда вас не стало, лес вздохнул с облегчением. Вы все два года сильно ругались с паном Контущёвским. И каждый вечер хором мыслеорали свежесочиненные частушки про него. Нецензурные. Из-за такого бедлама никто вокруг не мог спокойно мыслить. Поэтому, когда вас срубили, все деревья с радостью пожелали вам долгих лет жизни в человеческом мире. Но этого, к сожалению, не случилось. Опять вы здесь. И я чувствую, что покоя нам теперь не видать.

ЖОРА. И как же меня тогда звали?

НЕМО. Тебя звали – Василий Романопуло. Жил ты в Одессе, где занимался своим

любимым делом. То есть – профессиональным бандитизмом.

ЛЕНЬКА. А как звали меня?

НЕМО. Тебя звали – Кукуй Джопуа.

ЛЕНЬКА. Как, как?!

НЕМО. Джопуа.

ЛЕНЬКА. Сам ты Джопуа!

НЕМО. Это мингрельская фамилия. Твои родственники возили из Грузии цветы и торговали ими в Одессе. Вася Романопуло захотел, чтобы они делились с ним (и, соответственно, его шайкой) прибылью. Твои родственники были против. Тогда Вася пристрелил парочку. Ты (с группой товарищей) поехал в Одессу спасать семейный, как сейчас говорится, бизнес. В результате вы оба перестреляли кучу народа и были убиты при задержании стражами порядка. Так здесь и оказались.

ЖОРА. И откуда ты все это знаешь?

НЕМО. Из слов тех, кто рассказывает. Другого источника знания здесь нет. Вы рассказываете, а я запоминаю.

ЛЕНЬКА. У меня нет слов. И мыслей тоже. Всем пока.

На следующий день

ЛЕНЬКА. Жора, ты меня слышишь?

ЖОРА. Да, мой друг Джопуа.

ЛЕНЬКА. Пошел ты, Вася!

ЖОРА. Да ладно тебе, Ленька! Эй, Ленька! Эй! Обиделся, что ли?

Вечер того же дня

ЖОРА. Ленька! Эй, отзовись! Ленька!

Следующее утро

ЖОРА. Эй, Ленька! Ну что ты как маленький, ей-богу. Я больше не буду называть тебя так. Ну, прости меня...

ЛЕНЬКА. Дятла верни, а!

ЖОРА. Прости, я про него забыл. Сейчас направляю. Ну, как тебе все это?

ЛЕНЬКА. Не верится.

ЖОРА. Я тоже ничего не помню о прошлой жизни.

ЛЕНЬКА. Может, он врет?

ЖОРА. Давай проверим?

ЛЕНЬКА. Как?

ЖОРА. Сейчас. Эй, пан Контушёвский, отзовись!

КОНТУШЁВСКИЙ. Что тебе?

ЖОРА. Вот скажи, как меня звали в прошлый раз?

КОНТУШЁВСКИЙ. Василием.

ЖОРА. Ты подслушал наш вчерашний разговор с Немо?

КОНТУШЁВСКИЙ. Больно надо.

ЛЕНЬКА. А как звали меня?

КОНТУШЁВСКИЙ. Кукуем Джоуа.

ЛЕНЬКА. Сам ты Джоуа. Меня зовут – Леонид Циммерман!

КОНТУШЁВСКИЙ. Еще один жид прибыл!

ЛЕНЬКА. Да пошел ты на стройматериал для сортира!

ЖОРА. Ха-ха-ха!

КОНТУШЁВСКИЙ. Да пошли вы туда оба! На внутреннюю отделку!

На следующий день

ЖОРА. Ленька!

ЛЕНЬКА. На связи.

ЖОРА. Дятел вернулся?

ЛЕНЬКА. Да. Что-то он больно толстым стал. Скоро летать не сможет от ожирения.

ЖОРА. Эй, Немо!

НЕМО. Слушаю.

ЖОРА. Скажи, а где сидит Контушёвский. И, вообще, кто он такой?

НЕМО. Из трех старых дубов в центре леса самый высокий мой. А самый молодой из них – обитель пана Контушёвского. Мы, так сказать, соседи. Но молодость дуба – понятие относительное. Контушёвский появился здесь двести с лишним лет назад. И, по всем признакам, сидеть ему еще долго.

ЛЕНЬКА. Надо же, какой срок. Видать, эта гнида народу перебила – не чета нам. И чем же он занимался в той жизни?

НЕМО. Он рассказывал, что служил главным палачом у региментаря Иосифа Стемпковского, который во второй половине восемнадцатого века занимался казнями захваченных в плен гайдамаков. Это было на Украине. Но мне почему-то кажется, что он врет. Скорее всего, он сам и есть Стемпковский, которого в народе прозвали Черным Осипом.

ЖОРА. Ты говорил, что дуба три. Кто хозяин среднего?

НЕМО. Очень таинственная личность. Он занимает дерево около восьмиста лет, но редко с кем общается. За это время мы перекинулись с ним всего несколькими общими фразами. И я до сих пор не знаю, кто он такой. Но чувствую, что крови на нем не меньше, чем на пане Контушовском.

ЖОРА. Слушай, а бабы здесь есть?

НЕМО. Гм... Не встречал. Скорее всего, для них приспособлен другой лес... Все, не могу больше общаться. Недалеко от меня стоит молодой бук. Туда только что кого-то вселили. Весь трясется... Понаблюдаю. Бук живет не менее пятиста лет. Видимо, интересная личность прибыла.

ЛЕНЬКА. Жора, и что ты об этом думаешь?

ЖОРА. Пока ничего. В голове – точнее в стволе – не укладывается. А кто такие гайдамаки?

ЛЕНЬКА. Это что-то типа казаков. На правобережной Украине они жгли панские усадьбы и воевали за свободу. То есть пытались освободить украинцев от польских оккупантов.

КОНТУШЁВСКИЙ. Слова-то какие! Оккупанты. Свобода. Да они – самое мерзкое голоштанное быдло! Разбойники, грабители, насильники и убийцы!

ЖОРА. А ты, выходит, – голубь сизокрылый?

КОНТУШЁВСКИЙ. Я не голубь. Я пан Контушёвский. И то, что я делал – делал правильно. И горжусь этим. Я не убивал, я мстил. Я наказывал гайдамаков за зверства, которые они чинили мирному населению.

ЛЕНЬКА. Ну прямо Герой Речи Посполитой.

КОНТУШЁВСКИЙ. Да, я герой, а вы...

ЖОРА. Слушай, герой, тебя кто в разговор звал? Никто. Вот и вали отсюда!

ЛЕНЬКА. Погоди, Жора. Продолжай, Контушёвский.

КОНТУШЁВСКИЙ. А что тут продолжать? Рассказывать что-либо быдлу – все равно, что бисер метать свиньям. Как ты там в этот раз назвался? Циммерманом? Посмотрел бы ты, что гайдамаки в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году творили с твоими соплеменниками. А особенно – с соплеменницами. Сам бы в палачи прибежал записываться!

ЛЕНЬКА. И что они творили?

КОНТУШЁВСКИЙ. Потом расскажу. Сдается мне, что прибыл еще один известный негодяй. Типа вас. В молодом буке напротив меня я чувствую мысленный запах этого мерзавца. Господи! Ну, сколько же времени можно меня так мучить! Если ты засадил меня сюда, то огради хоть от этих трех скотов! Никогда еще они не собирались все вместе!

ЖОРА. Каких трех скотов?

КОНТУШЁВСКИЙ. Двое из них – вы. А третий только что появился.

ЛЕНЬКА. И кто это такой?

КОНТУШЁВСКИЙ. Да пошли вы все туда, откуда прибыли!

ЖОРА. Эй, придурок, ты куда делся?

ЛЕНЬКА. Контушёвский, отзовись!

ЖОРА. Смылся, гад. Интересно, кто же там прибыл?

ЛЕНЬКА. Мне кажется, что если Контушёвский так хорошо его знает, значит он – личность общительная. Подождем до завтра.

ЖОРА. Хорошо. Пока.

ЛЕНЬКА. Пока.

Продолжительное мыслемолчание

Глава третья

Утро следующего дня

ГОЛОС. Немо, ты все еще здесь?

НЕМО. Да.

ГОЛОС. Ты тормоз. Я б за столько лет не то, что пешком ходить, бегать бы уже смог.

НЕМО. И это вместо приветствия?

ГОЛОС. Зачем? Вы и так здесь все с приветом.

НЕМО. Спасибо на добром слове.

ГОЛОС. Я смотрю, ты шутить научился? Похвально. За две тысячи лет первая шутка. Это радует. Пройдет еще тысяча и ты, глядишь, песенку споешь. Быстро учишься. Одним словом – способный...

НЕМО. Если ты и дальше будешь издеваться, я перестану с тобой общаться!

ГОЛОС. Куда ты денешься! Твоя болтливая сущность не даст молчать. Если заткнешься, тут же засохнешь и превратишься в гербарий... Лучше ответь: на дятла не богат?

НЕМО. Живет у меня целое семейство.

ГОЛОС. Отправь их всех сразу ко мне.

НЕМО. Это ты в бук вселился?

ГОЛОС. Я.

НЕМО. Отправил. И кто ты в этот раз?

ГОЛОС. Профессор.

НЕМО. И как зовут?

ПРОФЕССОР. Так и зовут.

НЕМО. Понятно.

ПРОФЕССОР. Меня всегда восхищала твоя сообразительность.

НЕМО. Спасибо за комплимент.

ПРОФЕССОР. У-у-у, как ты тяжел мыслью! Опять я попал в конгломерацию тупых идиотов! Эй, Контушёвский, ты-то хоть здесь еще?!

КОНТУШЁВСКИЙ. Здесь.

ПРОФЕССОР. Слава богу! Хоть будет с кем поругаться. Все ж веселее.

КОНТУШЁВСКИЙ. То есть: в ранг идиотов ты меня не ставишь?

ПРОФЕССОР. Эка, ты себе польстил!

КОНТУШЁВСКИЙ. Опять за старое взялся.

ПРОФЕССОР. Старое – это хорошо выдержанное новое.

КОНТУШЁВСКИЙ. Идиотская мысль.

ПРОФЕССОР. Идиотскими мысли становятся только после того, как вылетают из дуба, в котором сидит Контушёвский.

КОНТУШЁВСКИЙ. Никакое звание – в том числе и профессорское – не сможет скрыть очевидный факт, что быдло есть быдло. Все! Не желаю с тобой общаться!

НЕМО. Опять поссорились.

ПРОФЕССОР. Ну и не надо. Общайся с такими же садистами, как ты. Полон лес.

КОНТУШЁВСКИЙ. Я не садист. Я – мститель!

ПРОФЕССОР. Правда? Придется тебе снова Фрейда цитировать.

КОНТУШЁВСКИЙ. Пошел ты со своим Фрейдом!

ПРОФЕССОР. Ну, вот и поговорили. Немо, что новенького?

НЕМО. Ничего.

ПРОФЕССОР. Этот затворник в среднем дубе так и не проснулся?

НЕМО. Нет.

ПРОФЕССОР. Зря. Чувствую, что там сидит тот еще фрукт... А из недавно прибывших? Есть интересные экземпляры?

НЕМО. Есть. Двое московских убийц. Уже переругались с Контушёвским.

ПРОФЕССОР. Если ругаются с Контушёвским – это хорошо. Значит, приличные ребята.

КОНТУШЁВСКИЙ. Что может быть приличного в убийцах?

ПРОФЕССОР. Вот ты сам себя и охарактеризовал. Ура! Садист-убийца ударился в самокритику!

КОНТУШЁВСКИЙ. Тьфу на тебя!

ЖОРА. Привет, Профессор!

ЛЕНЬКА. Привет!

ПРОФЕССОР. Здравствуйте, ребятки! Ну-ка, доложите, кто такие?

ЖОРА. Я Жора Мовсесян.

ЛЕНЬКА. Я Леня Циммерман, по-прозвищу Македонец.

ПРОФЕССОР. А-а-а... Слышал, слышал. Работали киллерами. Один у Петровича, второй у Гоги-грузина.

ЖОРА. Да. Ты знаешь об этих авторитетах?

ПРОФЕССОР. Конечно. Преступный мир тесен.

ЛЕНЬКА. И как они сейчас поживают, если еще не сдохли?

ПРОФЕССОР. Живы-здоровы. На последней разборке Петровичу оторвало ногу гранатой. Шкандыбает теперь с костылями. А Гоге пулями разворотило живот. Ему полжелудка отрезали и теперь он не может есть шашлык. А так у них все нормально. Все по-прежнему. Стригут лохов и снимают пенки с кретинов.

ЖОРА. Ну и черт с ними. А ты кто такой?

ПРОФЕССОР. Я обычный преподаватель одного из ВУЗов. Профессор. Доктор исторических наук. Специалист по истории Ближнего Востока и Центральной Азии.

ЛЕНЬКА. И именно за это тебя закатали в дерево?

ПРОФЕССОР. Почти. Я наладил поставки афганского героина. Огромными партиями.

ЖОРА. Я понял. У тебя и в прошлой жизни было прозвище «Профессор». Петрович хотел этот бизнес у тебя отнять. Я должен был тебя грохнуть. Мне даже аванс выдали. Но – не сложилось.

ПРОФЕССОР. Ха-ха. Все сложилось. Свято место пусто не бывает.

ЖОРА. И кто же тебя замочил?

ПРОФЕССОР. Ваня Кацапет.

ЖОРА. Е-мае!

ЛЕНЬКА. Ха-ха-ха!

ЖОРА. Это же придуток, которому место только на Дурасовском рынке в роли наперсточника, максимум!

ПРОФЕССОР. Правильно. Он решил меня убить в подъезде моего дома. Причем топором. И это ему удалось. Я, правда, долго убегал вверх по лестнице, а он, пыхтя, гнался за мной. В итоге – догнал. Никто из жильцов подъезда, естественно, не вышел на помощь, но зато все, глядя в дверные глазки, прекрасно запомнили убийцу. Теперь Ваня ждет суда и надеется, что ему влупят пожизненное заключение.

КОНТУШЁВСКИЙ. Вот тебе и пожалуйста! Наводнил город наркотиками. От этой гадости люди мрут почище, чем от оружия. Я бы на месте этого Вани взамен топора использовал хороший дубовый кол. Вот бы Профессору весело стало!

ЖОРА. Заткнись, зараза панская!

КОНТУШЁВСКИЙ. Еще чего? Мысль не заткнешь! В отличие от пасти. В прошлый раз, а это было сорок пять лет назад, гнида, которая называет себя Профессором, попала сюда после того, как побывала в роли доброго японского доктора. Этот доктор занимался опытами, используя китайских военнопленных солдат в виде лабораторных мышей.

А за тридцать лет до этой китайской эпопеи уважаемый Профессор проторчал здесь в качестве акации. За что? За то, что в годы первой мировой войны, будучи немецким генералом, дал французам понюхать иприта. И после всего этого именно я садист?

ПРОФЕССОР. Садисты бывают трех видов: по определению, по наследственности и по понятию. Контушёвский – собирательный образ. Все три вида – дом его родной. Тут и доказывать ничего не надо. Я слышал, как он рассказывал Немо о сдирании с людей кожи клочками. Его мысли просто тряслись от возбуждения, а листья на ветках торчали вертикально...

КОНТУШЁВСКИЙ. Вранье!

ЛЕНЬКА. Да заткнись ты, наконец, скотина панская!

КОНТУШЁВСКИЙ. Идите вы к Профессору иприт нюхать!

ЖОРА. Все это, конечно, интересно. Но меня больше всего волнует то, что Профессор помнит все свои прежние отсидки.

ПРОФЕССОР. Да, помню.

ЛЕНЬКА. А мы – нет.

ПРОФЕССОР. И когда вы последний раз были здесь?

ЖОРА. Немо говорит, что двадцать пять лет назад.

ПРОФЕССОР. Сколько сидели?

ЖОРА. Два года.

ПРОФЕССОР. Тот, кто вас сюда засадил, использует для определенных занятий. Причем мелких. Одно дело какого-нибудь Профессора завалить, а другое – уничтожить несколько тысяч человек газом. Я – крупная рыба. Память мне дана с какой-либо целью.

ЛЕНЬКА. Какой?

ПРОФЕССОР. А этого я и сам не знаю.

ЖОРА. Мне сначала казалось, что отсидка в дереве – наказание с целью исправления. Но вышло так, что и в прошлый раз мы были бандитами. Какое, к черту, исправление?

ПРОФЕССОР. В том-то все и дело. Бандиты нужны всегда. Без зла добро существовать не может. Мне кажется, что в вашем положении есть один большой плюс. В прошлый раз вы сидели всего два года. И в этот долго не задержитесь. Если за жертвой гоняется убийца с топором, то напрашивается вывод: с квалифицированными бандитами в каком-то месте возник дефицит. Поэтому скоро вам придется собирать манатки. Вспомните еще мои слова!

КОНТУШЁВСКИЙ. А я сижу двести двадцать лет! Почему?

ПРОФЕССОР. Потому что в квалифицированных садистах никогда нет недостатка. В любой стране их навалом. Хоть лопатой гребь!

КОНТУШЁВСКИЙ. Эх, попался бы ты мне тогда, когда я проводил казни в селе Кодне! Я бы тебя сначала распилил на маленькие поленья. А потом эти обрубки медленно распустил бы на спички. И таковыми спичками вся шляхта стала бы разжигать трубки...

ПРОФЕССОР. Поняли, что означает выражение «крыша поехала»? Представьте себе пана Контушовского в роли палача. Он появляется перед гайдамаками и вместо того, чтобы их увечить, начинает заниматься пилкой и рубкой дерева! Вот это шоу!

КОНТУШЁВСКИЙ. Хр-р-р!

ЖОРА. Злится.

ПРОФЕССОР. Да. Его дуб трясет, как алкоголика с похмелья.

ЛЕНЬКА. Хорошо ты ему вставил! Надолго хватит.

ЖОРА. Жаль. Без клоунов скучно.

ПРОФЕССОР. Клоунов здесь хватает. Не пройдет и минуты, как новый объявится.

НЕМО. Я слушал ваш разговор и мне непонятно одно...

ПРОФЕССОР. Что я говорил?

ЖОРА. Ха-ха!

ЛЕНЬКА. Ха-ха-ха!

НЕМО. Что смешного? Мне непонятно, почему я сижу здесь две тысячи лет? Может, обо мне просто забыли?

ПРОФЕССОР. Неудивительно.

НЕМО. В смысле?

ПРОФЕССОР. Кому нужна такая нудная личность? Кстати, если б ты рассказал, за что сюда попал, то мы, может, и нашли бы ответ на твой вопрос.

НЕМО. Я не нудный. И рассказывать ничего не буду. Верни дятлов. Все.

ЖОРА. Обиделся.

ПРОФЕССОР. Это хорошо. Я заметил, что до него лучше стал доходить смысл сказанного. Раньше он был гораздо наивнее. Ладно. На сегодня хватит общения. Я еще не пришел в себя после вселения, а тут этот Контущёвский. Да еще в таком объеме. Пока.

ЖОРА. Пока.

ЛЕНЬКА. До завтра.

На следующий день

ЖОРА. Ленька, отзовись.

ЛЕНЬКА. На связи.

ЖОРА. Ночью прошел дождь. Корни впитали влагу. Хорошо-то как! Чувствую себя пьяным.

ЛЕНЬКА. Мне тоже в кайф.

ЖОРА. Дятла пришлешь?

ЛЕНЬКА. Не могу. Этот ушлепок ночью выставил из дупла клюв и наглотался холодной воды. Теперь чихает и кашляет. Лежит сверху пузом и изображает из себя больного. Пусть оклемается.

ЖОРА. И что мне делать?

ЛЕНЬКА. У Немо попроси. У него их целый выводок.

ЖОРА. Хорошо.

ЛЕНЬКА. Тихо! Кажется, к опушке приближается машина. Слышишь?

ЖОРА. Да.

ЛЕНЬКА. Отбой связи.
Через час

ЛЕНЬКА. Жора, отзовись.

ЖОРА. Ну, что новенького?

ЛЕНЬКА. Приезжали три машины. Вылезла из них толпа людей и собралась возле щита. Судя по здоровенным животам – чиновники. Беседовали долго.

ЖОРА. Слышно было, о чем говорили?

ЛЕНЬКА. Частично.

ЖОРА. И?

ЛЕНЬКА. Я так понял, что здесь собираются строить дачный поселок для блатных граждан Российской Федерации.

ЖОРА. То есть – будут рубить лес?

ЛЕНЬКА. Да. Именно с нашей стороны и начнут.

ЖОРА. Постой, но здесь же заповедник.

ЛЕНЬКА. Вот об этом речь и шла. Встречались чиновники с застройщиками. Первые предлагали за крупную сумму денег немножко подвинуть щит вглубь леса и оформить это документально.

ЖОРА. Немножко – это насколько?

ЛЕНЬКА. На два километра.

НЕМО. Правда? Тогда и мы попадаем. Наши дубы находятся в километре от опушки.

ЖОРА. И что решили?

ЛЕНЬКА. Долго торговались, но, в итоге, пришли к общему знаменателю.

ЖОРА. Когда начнется вырубка?

ЛЕНЬКА. Сразу после того, как передвинут щит. Я так думаю, что в течении нескольких недель чиновники утрясут это дело. Сейчас все делается быстро. Были бы деньги.

КОНТУШЁВСКИЙ. Это несправедливо! Два охломона только вселились, и их сразу рубить? А про этого злодея Профессора я вообще молчу!

НЕМО. Пан Контушёвский, ну как тебе не стыдно! Счастье наконец постучалось тебе в ствол, а ты мелочно цепляешься за справедливость.

КОНТУШЁВСКИЙ. Заткнись, недоумок! Пусть нас рубят, а их оставят. Зеленые насаждения должны быть в каждом дачном поселке. Нельзя же дачу строить в голом поле.

ГОЛОС. Иудей!

ЛЕНЬКА. Кто меня зовет?

ГОЛОС. Ты мне не нужен. Иудей!

НЕМО. С пробуждением. Что тебе?

ГОЛОС. Я не спал. У меня в дупле жил дятел женского рода. Твой дятел мужского рода совратил моего. И увел к себе. Теперь у них потомство и они живут у тебя. Верни мне дятла. Он – моя собственность!

НЕМО. Ну, насчет собственности ты, конечно, загнул. И твоего дятла я вернуть не смогу, раз сложилась семейная пара. Но потомство уже подросло, и, я надеюсь, можно будет отправить к тебе какую-нибудь молодую особь. Тебя это устроит?

ГОЛОС. Мне все равно, какой дятел прилетит. Главное – чтобы он был.

НЕМО. Хорошо. Ты слышал новость о вырубке?

ГОЛОС. Да.

НЕМО. Ты рад?

ГОЛОС. Мне это безразлично.

НЕМО. Странно. Скажи хоть, как тебя зовут? Когда ты вселился в средний дуб, я сказал тебе свое имя. Ты единственный в этом лесу знаешь, кто я. Но ты не назвал себя. Это неприлично с твоей стороны. Назовись.

ГОЛОС. Я Хасан ибн Саббах. Достаточно?

НЕМО. Мне это ни о чем не говорит...

ПРОФЕССОР. Более, чем достаточно!

ХАСАН. Прощайте.

НЕМО. Эй, Хасан! Эх, отключился.

ПРОФЕССОР. Так ты, оказывается, иудей?

НЕМО. Какое это имеет значение?

ПРОФЕССОР. И как тебя зовут? Ну-ка, ну-ка...

НЕМО. Не скажу!

ПРОФЕССОР. Надо же, сбежал.

КОНТУШЁВСКИЙ. И кто этот Хасан?

ПРОФЕССОР. Одиозная историческая личность. Потом расскажу. А ты, Контушёвский, похоже, историю не изучал. Ты изучал анатомию. Причем – практически.

КОНТУШЁВСКИЙ. Так же, как и ты в Китае.

ПРОФЕССОР. Но я знаю, кто такой Хасан ибн Саббах, а ты – нет. Так кто из нас было?

КОНТУШЁВСКИЙ. Да чтоб тебя не спилили!

ПРОФЕССОР. И тебе того же.

ЖОРА. Что вы ругаетесь? Спилят всех.

ПРОФЕССОР. Нет. У них, наверное, план поселка есть. Там, где будут дома и улицы, деревья уберут. А вот на площади могут оставить рощицу. Чтобы скверик для отдыха был. Два больших дуба слишком старые. Их вырубят. Вдруг завалятся? А дубу, где обитает Контушёвский от силы лет четыреста. Вот его и оставят. Пусть себе растет и дает тень для играющих детишек!

КОНТУШЁВСКИЙ. Чтоб ты в своей следующей жизни попал в тело павиана! Там тебе самое место!

ПРОФЕССОР. А что? Неплохо! Минимум забот. Съел банан, оплодотворил пару самок, и – спи себе на дереве. Никаких Контушёвских вокруг!

КОНТУШЁВСКИЙ. Вот-вот.

ЖОРА. Контушёвский, ты обещал рассказать о гайдамаках.

КОНТУШЁВСКИЙ. Да пошли вы все со своими гайдамаками!

Продолжительная мыслетишина

Глава четвертая

Следующий день

ЖОРА. Контущёвский, отзовись.

КОНТУШЁВСКИЙ. Чего надо?

ЖОРА. Как насчет гайдамаков?

КОНТУШЁВСКИЙ. А что о них рассказывать? Быдло – как оно есть. Подумаешь, не позволили крестьянам попам кланяться. Какая разница: поп или ксендз? Бог-то один. А налоги везде платить надо. В любом государстве. А крестьяне не хотели. Что в Польше, что в России. Вы думаете, холопы крестьянской армии Пугачева меньше зверств творили? И никаких поляков в тех местах не было! При чем здесь оккупация? Борьба за свободу? Быдло везде бунтует. А причины две: тупость и лень. Вот так и на Украине. Гайдамаки – простые разбойники. Их малочисленные шайки существовали всегда. А вот когда к ним примкнули крестьяне – получился бунт. Но если бунт возглавит разбирающийся в тактике человек, то это уже не бунт. Это война. Причем, как правило, – с мирным населением. Потому что воевать косами и колами с регулярными войсками – дурацкое дело. Никакая тактика не поможет. Другой вариант, когда в стране раскол и регулярная армия занята борьбой с конфедератами... Вот и развязались руки у гайдамаков.

Зализняк был запорожцем. Воевать умел. А Гонта – казачьим сотником в Умани на службе у Потоцких. Когда отряд Зализняка подошел к Умани, Гонта вызвался пойти со своими казаками навстречу, пообещав прогнать гайдамаков. Ему это позволили. Он вышел из города, встретился с Зализняком и перешел на его сторону. То есть – предал своего господина Потоцкого и короля, которому, кстати, приносил присягу на верность. А Зализняк – тот еще зверь. Его люди в одном из захваченных городков над воротами костела повесили ксендза, еврея и собаку. И написали: «Лях, жид и собака – вера однака»...

В Умани гарнизон был невелик. Не более двух тысяч человек. Когда гайдамаки начали штурм, кто-то из их сообщников изнутри открыл ворота. И что случилось? Я был там после этих событий. Трупы лежали горами! Рассказать подробнее?

ЛЕНЬКА. Расскажи.

КОНТУШЁВСКИЙ. Сначала гайдамаки принялись за евреев. Мужчин и детей просто резали. Женщин сначала насиловали, а потом убивали самыми зверскими способами. Например, распарывали животы и засовывали туда живых кошек. А потом с хохотом наблюдали, как женщины умирают в муках. Часть евреев закрылась в синагоге. Гайдамаки с помощью пушки взорвали ворота, ворвались внутрь храма и зарезали всех.

Но даже в обстановке кровавого погрома их не оставила скотская избирательность. Самых богатых евреев собрали в ратуше и предложили откупиться. Те внесли требуемую сумму. Гайдамаки забрали деньги, и все равно евреев убили. Бесчестные животные!

После того, как покончили с евреями, принялись за униатов. Всех воспитанников униатского церковного училища растерзали в клочья. А ведь основное количество учащихся были детьми! По двенадцать-тринадцать лет! Ну, а потом очередь дошла и до поляков. Как же, они же угнетатели! Убивали и насиловали, как евреев. Красивый и цветущий город за одни сутки превратился в могильник, заполненный обезображенными трупами. Какая, скажите мне, Варфоломеевская ночь может сравниться с этой бойней?! И это борцы за свободу?!

ПРОФЕССОР. Контушёвский, ты упускаешь из виду факт, что для того, чтобы человек стал зверем, его необходимо как-нибудь привести к такому состоянию. Если ваше хваленое панство отдало в откуп евреям сбор налогов и затем никак не контролировало их деятельность, то вы получили, что заслужили. Я знаю: барщина тогда была увеличена до таких пределов, что крестьянину не оставалось времени для обработки своего мизерного надела. А ключи от православных храмов находились в руках у евреев. И справить любой обряд можно было лишь после того, как заплатишь за ключи. Когда у человека забирают последнее из того, что у него осталось (в данном случае – веру), то он может превратиться в черт знает кого.

КОНТУШЁВСКИЙ. Все это вранье. А даже если и правда, это не повод для того, чтобы давить сапогами младенцев и засовывать кошек в животы женщинам. Вот поэтому, когда бунт был подавлен, я с удовольствием занимался исполнением наказаний. Основную массу гайдамаков свезли в село Кодню. Там-то они и получили сполна. Я их резал, душил, сажал на колья и еще много чего разного делал. Даже король вступился за них и приказал больше никого не убивать. Я выполнил приказ монарха.

Тем, кого еще не успели казнить, отрезали правые руки и левые ноги. Гуманно обрабатывали раны и вручили по костылю. Когда они тронулись в путь (на все четыре стороны), я сказал напутственное слово. Мол, теперь воюйте, сколько душа пожелает! Ха-ха-ха!

А Гонту казнили отдельно. Жаль, гетман Браницкий приказал отрубить ему голову в середине казни. Пришлось выполнить распоряжение. Сдирали кожу уже с мертвого тела. Кстати, по слухам, Гонта в Умани убил своего сына, которого в его отсутствие отдали в униатское церковное училище. Но я точно не знаю...

А этот негодяй Зализняк ускользнул из моих рук! Он достался русским. И те всего-навсего высекли его кнутом и сослали на каторгу. Гуманисты чертовы! Их женщин не насиловали и детей не убивали...

ПРОФЕССОР. Конечно. Они же церкви в откуп не передавали.

КОНТУШЁВСКИЙ. При чем тут церкви? Ты там не был, и всего этого не видел. А я видел! И потому горжусь проделанной мною работой!

ЖОРА. Из-за этого и сидишь в дубе двести лет. И еще сидеть будешь, пока дерево от старости не рухнет. Гордись и дальше.

КОНТУШЁВСКИЙ. Да пошли вы все к черту! Вместе с евреем Циммерманом.

ЛЕНЬКА. А еврей ли я? Может, я все-таки мингрел?

КОНТУШЁВСКИЙ. Козел ты, а не мингрел!

ЛЕНЬКА.

ЖОРА. Пошел ты к черту, садист!

ПРОФЕССОР.

ЖОРА. По-моему, отключился.

ПРОФЕССОР. Ну и бес с ним. Завтра я расскажу вам интересную историю про того, кто сидит в среднем дубе.

ЛЕНЬКА. А почему не сейчас?

ПРОФЕССОР. Дятлы опять принялись за работу. Знаете ли, когда их целый выводок, они долбят, не переставая. В такой ситуации мысли разбегаются в разные стороны.

ЖОРА. Ладно. Всем – до завтра.

ПРОФЕССОР. Пока.

ЛЕНЬКА. Пока.

Мыслетишина

На следующий день

ЖОРА. Ленька, слышишь меня?

ЛЕНЬКА. Слышу.

ЖОРА. Как насчет дятла?

ЛЕНЬКА. Мне кажется, он сдох.

ЖОРА. Да ну?

ЛЕНЬКА. В натуре. Лежит кверху пузом. Не дышит. Вонять начал.

ЖОРА. Что же ты? Эх, не уследил...

ЛЕНЬКА. Уследишь тут. Что я ему – мама родная, что ли?

ЖОРА. И как нам теперь быть? Заедят же насмерть. Мне кажется, что личинки и червяки – бывшие политики. Ведь из-за политики в мире бывает больше всего жертв. Там, где уничтожены миллионы людей – обязательно мелькнет хвост политики.

ЛЕНЬКА. Ты не прав. Те, по вине которых уничтожены миллионы, в этом лесу не присутствуют. Скорее всего, для них предусмотрено более веселое место.

ЖОРА. А как же Немо? Сидеть две тысячи лет в образе дерева – уму непостижимо. За что? За уничтоженные миллионы?

НЕМО. Ничего подобного! Никакие миллионы я не уничтожал!

ЛЕНЬКА. Ладно-ладно... Говорить можно все, что угодно. А вот как было в самом деле? И никому, главное, не рассказывает. Видать, рыльце в пушку.

НЕМО. Я никого не убивал! Ни разу в жизни! По крайней мере, лично...

ЖОРА. Рассказывай, рассказывай...

НЕМО. Не буду с вами общаться!

ЛЕНЬКА. Отключился.

ЖОРА. Ничего. Еще пару сеансов перекрестной терапии, и расколется, как миленький. Надо просто вовремя дожать.

ЛЕНЬКА. Все это понятно. Но что с дятлом делать?

ЖОРА. Да объявится какой-нибудь новый. Свято место не бывает пусто.

ЛЕНЬКА. При чем здесь это? Я спрашиваю, что со старым делать?

ЖОРА. А что с ним надо делать? Ну, сдох и сдох.

ЛЕНЬКА. Так он же воняет! Так и будет гнить у меня в дупле? Кто его достанет оттуда?!

ЖОРА. И похоронит?

ЛЕНЬКА. Чего?

ЖОРА. Ха-ха-ха!

ЛЕНЬКА. Сволочь! Да пошел ты к Контушёвскому в Кодню!

КОНТУШЁВСКИЙ. Всегда буду рад! Заходите, гости дорогие!

ЛЕНЬКА. Идите вы все куда угодно!

ЖОРА. Обиделся.

КОНТУШЁВСКИЙ. На обиженных воду возят.

ЖОРА. Так, всем пока!

КОНТУШЁВСКИЙ. Вот молодежь пошла. Ни поговорить, ни поругаться. Одна скука...

Продолжительное мыслемолчание

Следующий день

ЖОРА. Ленька, слышишь меня?

ЛЕНЬКА. Слышу.

ЖОРА. Кто-то идет по лесу. Со стороны дубов к опушке. Скоро должен пройти подомной.

ЛЕНЬКА. Посмотрим.

ЖОРА. Да это же волк!

ЛЕНЬКА. Точно. Седой. Матерый.

ЖОРА. Интересно, может, он тоже бывший человек?

ЛЕНЬКА. Да ну тебя! Людей не хватит, чтобы вселить в каждую зверюгу.

ЖОРА. Может быть. Но этот – знатный экземпляр. Клыки-то какие! На Контущёвского похож – как две капли воды.

КОНТУШЁВСКИЙ. С чего это он на меня похож, если вы мое лицо никогда не видели?

ЛЕНЬКА. Зачем тебя видеть? И так понятно, что ты – волчара позорный.

ЖОРА. А, может быть, видели? Может, мы в одну из прошлых жизней были гайдамаками? И стояли в Кодне, глядя в глаза этой сволочи, собираясь мученически погибнуть за «ридну неньку Украину»?

КОНТУШЁВСКИЙ. А-а-а, вот оно что... Как я сразу не догадался! Вы же профессиональные бандиты. Да вы были там! Вы были в Умани!

ЛЕНЬКА. Кстати, забыл спросить, тебя кто-нибудь звал в нашу беседу?

КОНТУШЁВСКИЙ. Нет! Но какое это теперь имеет значение?

ЖОРА. Ну и вали отсюда!

КОНТУШЁВСКИЙ. Подумаешь...

ЛЕНЬКА. Отключился.

ЖОРА. И слава богу. Эй, Профессор!

ПРОФЕССОР. Я здесь.

ЖОРА. Дятлы закончили работу?

ПРОФЕССОР. Да. Заканчивают.

ЖОРА. Пошли, пожалуйста, парочку к Леньке в тополь. Там у него в дупле один из их сородичей сдох. Надо как-нибудь его выкинуть наружу. Похоронить там, или что другое

выполнить, – бес его знает. Пусть определятся со своими дятловскими обычаями, и сделают, как у них там положено. Хоть с оркестром.

ПРОФЕССОР. Хорошо.

ЛЕНЬКА. Да попроси одного остаться у меня. Дупло громадное. Места – завались!

НЕМО. Как так?! Это мои дятлы!

ПРОФЕССОР. Ты же сам говорил Хасану, что собственность в этом лесу – фикция.

НЕМО. Ничего я не говорил.

ХАСАН. Говорил.

ПРОФЕССОР. Вот-вот. Ну, подумаешь, один молодой дятел останется у Хасана, а второй у Леонида. У тебя убудет от этого?

НЕМО. Дело совсем в другом. Я эту семью выпестовал и вынянчил...

ПРОФЕССОР. Памперсы менял! И теперь надо всех продать с пользой для себя?

НЕМО. Кто такие памперсы?

ПРОФЕССОР. Не имеет значения...

НЕМО. Не понял всех ваших умозаключений. Но, что за беспредел? Моих дятлов направляют куда угодно, и даже не спрашивают у меня разрешения!

ЖОРА. С чего бы это твои дятлы?

НЕМО. Они у меня жили еще до того, как вы тут появились!

ПРОФЕССОР. И поэтому их нужно непременно продать. Интересно, за какую валюту, и что ты с ней делать будешь? купишь себе телевизор? Или в кино пойдешь?

НЕМО. А это никого интересовать не должно. Мое – значит, мое. И распоряжаюсь я им – как хочу!

ПРОФЕССОР. Именно в этом и проявляется твоя иудейская сущность!

ЛЕНЬКА. Вот-вот.

НЕМО. Чего вот-вот? А ты что, не Циммерман?

ЛЕНЬКА. Когда дело касается дятла, я – чистокровный мингрел.

НЕМО. Что, – Джоуа?

ЛЕНЬКА. Фамилия как фамилия.

НЕМО. Ха-ха!

ПРОФЕССОР. Надо же, смеяться выучился.

ЖОРА. Профессор, расскажи о Хасане ибн как его там...

ЛЕНЬКА. А он согласен?

ПРОФЕССОР. Да кто его спрашивать станет? Здесь, в лесу – анархия. Думай, о чем хочешь, и ничего тебе за это не будет. А если кто недоволен, пусть своим недовольством и довольствуется. Надо же, как загнул! Красота...

ЖОРА. Мы слушаем.

ПРОФЕССОР. Начнем с красивой легенды.

В медресе, расположенном в славном городе Нишапуре, учились три молодых человека. Они были умны и талантливы. За окнами медресе бурлила середина одиннадцатого века, и время, насыщенное разными событиями, текло быстро и непредсказуемо. Никто из этих юношей не знал, какие сюрпризы преподнесет им жизнь. И никто не ведал, какими дорогами им предстоит пройти. Первого юношу звали – Низам аль Мульк. Второго – Омар Хайям. Третьего – Хасан ибн Саббах. Крепкая дружба связала молодых людей. Они поклялись помогать друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.